

Татьяна Щурова

«Согнув над миром острых два плеча...»

Продолжим разговор о публикациях в одесском журнале «Огоньки» (1918-1919), начатый в прошлом выпуске альманаха (№ 83, 2020). Еще раз восхитимся талантом журналиста и издателя Бориса Флита (Незнакомца), сумевшего в трагические запутанные годы окунуться в жизнь города и показать многообразие существования людей среди бесконечной смены властей, невероятных сложностей быта и полной неуверенности в завтрашнем дне. Конечно, ему помогал опыт создания многих

ОГОНЬКИ

ОГОНЬКИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

Ж. Е. Н. & Д. В. Л. & И. Ц. К. & В.

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:
Одесса, Ришельевская ул., № 3,
телефон № 79-63.

Редакторы принимают по вторникам
и четвергам с 10—12 ч. утра.
Секретари редакции принимают еже-
дневно с 10—12 ч. утра.
Рукописи не более 1 листа не возвращ.

Суббота, 1 июня (19 мая) 1918 года.

№ 3.

го, художественного и фотографического материала „Огоньковъ“
ія источника воспрещается. (Законъ 20 марта 1911 г.).

*Согнув над миром острых два
плеча
Раскрой, о вичность, желтый
страницы,—
Гдь нмы королевскія гробницы,
И тлеть византийская парча...*

* * *

*Пусть на пути затерянных временъ
Я, юный, встрѣчу мой далекий
призракъ
И руки тонкія въ тяжелыхъ ризахъ
Увижу вновь печаленъ и влюбленъ.
Дэрий Олеша.*

периодических изданий Одессы начала XX века, нужно заметить, всегда превосходных, и его умение безошибочно найти авторов и художников, а затем талантливо подать материалы в невероятной, казалось бы, мозаике.

В «Огоньках» очень помогают понять противоречивый «дух времени» оперативные зарисовки с натуры художника Скифа (Самуила Фикса) и полусалонные иллюстрации Алеко (А. Костюкевича) к публикациям прозаических произведений, а также множество редких фотографий.

Незнакомца всегда интересовала художественная жизнь города, он сам был связан с театром, отслеживал значимые литературные события. Например, один из номеров журнала был посвящен памяти Тургенева, напечатаны поэмы А. Блока «Двенадцать», «Скифы», «Соловьиный сад», произведения Алексея Толстого, Семена Юшкевича, Тэффи, Александра Федорова и др.

Также поражает умение редактора ориентироваться в пестрой поэтической среде Одессы. В «Огоньках» он продолжал сотрудничать с авторами, которых знал еще по журналу «Крокодил», например с Николаем Топузом, Семеном Кесельманом, безусловно ценил поэта

Гетмань Украины П. Скоропадский у дворца.

Незнакомец (Б. Флит). Шарж МАДа

и переводчика Александра Биска и др. Но главное, Незнакомец держал в поле зрения новое поколение поэтов, которое вопреки «мерзостям жизни» щедро выдавало дерзкие, явно талантливые, хотя еще и не всегда высокохудожественные опусы.

В эти годы появилось поэтическое объединение – кружок «Среда» на базе Литературно-художественного общества, который для молодых поэтов стал не только своеобразным приютом, но и их творческой мастерской. То же можно сказать и о вечерах кружка «Зеленая лампа», и о группе «Коллектив поэтов». На этих сценических площадках молодые дарования имели возможность презентовать новые стихи, дискутировать и утверждаться в «поэтическом пространстве». Чаще других здесь звучали имена Юрия Олеши, Эдуарда Багрицкого, Валентина Катаева, Зинаиды Шишовой, Анатолия Фиолетова. Также были известны стихи Бориса Бобовича, Георгия Долинова, Веры Инбер. В 1918 году в Одессе уже был известен Вениамин Бабаджан, поэт, художник, искусствовед, а также глава и душа издательства «Омфалос», оказавшегося столь важным в истории литературной жизни города. Они все были молоды, остроумны, считали себя сво-

Артисты на отдыхъ.

Иза Кремеръ на пляжъ въ Люстдорфъ.

бодными, мечтали и писали свои юношеские, иногда странные стихи. Конечно, вы обнаружите в них романтические надежды, тонкость переживаний, мечтательность «в сумерках возвышенной любви» и поиски «призраков дивных дней» «на парусах ушедших кораблей»... Об этом периоде много писали Сергей Луцки, Евгений Голубовский, Алена Яворская – отсылаем вас к их интереснейшим исследованиям.

Сейчас хочется просто вспомнить ранние публикации поэтов, почувствовать их «жажду пылкого цветения». Разные дарования, разные человеческие судьбы, а в те далекие годы они, может быть, могли бы вместе воскликнуть: «Мы в вольном беге торопим воды...».

ОДЕССКІЯ КАРТИНКИ.

Рубка населеніемъ ботаническаго сада.

Кошки.

Ал. Соколовскому.

Уже на крышѣ, за трубой,
Подъ благосклонною луною,
Онѣ собираются толпой,
Поднявъ хвосты свои трубою.
Гдѣ сладкимъ пахнетъ молокомъ,
И нѣжное бѣлѣтъ сало,
Свернувшись бархатнымъ клубкомъ,
Онѣ въ углу ворчатъ устало.
И возбужденныя жарой,
Онѣ пресыщены ѣдою,
Ихъ не тревожитъ запахъ твой,
Благословенное жаркое.
Какъ сладокъ имъ весенній жаръ
На кухнѣ, гдѣ плита пылаетъ,

И супа благовонный паръ
Такъ благостно благоухаетъ.
О черныхъ лѣстницъ тишина,
Чердакъ пропахнувшій мышами,
Гдѣ изъ разбитаго окна
Легко слѣдить за голубяями,
Когда-жъ подъ домомъ стынеть тишь,
Волной вечерняго угара,
Тогда скользя по краю крышъ
Влюбленные проходятъ пары.
Вѣдь ты, любовь, для всѣхъ одна,
Ты всѣхъ страстей нѣжнѣй и выше,
И благосклонная луна
Зоветь ихъ на ночныя крыши.

Эд. Багрицкій.

Барисовки для „Огоньковъ“ худ. С. И. Ив. а.

У воротъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
 съ мес. въ Россіи
 на 1 мѣс. 3 р., на 2 мѣс. 6 р.
 Перемена адреса 50 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за мѣсто, занимае-
 мую строкою нумерован на 24 стра-
 ницѣ обложки—2 р., на 24 стр.—1 р.,
 на 4-6 стр. 1 р. 50 к.

ОГОНЬКИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 ѿ **Ж. В. Н. Е. Д. П. Л. Б. Н. И. К. С.**

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА:
 Одесса, Ришельевская ул., № 2,
 телефонъ № 79-43.

Редакторъ принимаетъ до вторника
 и четверга съ 10—12 ч. утра.
 Секретарь редакціи принимаетъ еже-
 дневно съ 10—12 ч. утра.
 Рукописи не возвращаются.

№ 4. Суббота, 8 июня (27 мая) 1918 года. № 4.

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огоньковъ“ безъ указанія источника воспрещается. (Законъ 20 марта 1911 г.).

Агнеса.

Лишь только въ сумерки закроются
 двери
 И грусть моя сольется съ подутьмой,
 Изъ синевы далекихъ новечерій
 Пльвезть въ мечтахъ старинный
 Кентербери,
 Засыпанъ бѣлой англійской зимой.

Я вижу Васъ, притихшая Агнеса,
 И розы платья Вашего цвѣтнутъ
 То въ церкви, гдѣ звенитъ простая
 месса,
 То у камина, гдѣ школяръ-повеса
 Въ скрипучемъ креслѣ учитъ
 скупный ш.

Я слышу голосъ низкий и несмѣлый,
 Капитановъ трескъ на золотыхъ
 дровахъ,
 Когда померкнетъ день олебенный,—
 И вѣтъъ темнозеленую олею
 Надъ очагомъ вселенныя Рождества.

Вы плачете, Агнеса, Вы поете
 О юности фарфоровой,—какъ встарь,
 Мелькаютъ дни въ стремительномъ
 полетѣ:
 Надъ книгой сказокъ въ ветхохъ
 переплетѣхъ
 Весна качаетъ голубой фонарь...

Все тише мысли синихъ новечерій;
 Въ глухохъ синю сверкающей пурги
 Все призрачный старинный
 Кентербери.
 Блуднивецъ ночь,—и у стеклянной
 двери
 Я слышу Ваши тихіе шаги.
 Семенъ Жесельманъ.

Историческіе моменты.

Интерьеръ Натроции, въ которомъ происходили
 мирные переговоры съ Румыніей.
 Будуаръ королевы.

Подписаніе мирнаго договора въ Бухарестѣ.

Тріолетъ.

*Любовь течетъ, какъ тріолетъ,
Гдѣ надо,—строки повторяя,—
Разнообразная такая,
Любовь течетъ, какъ тріолетъ.
У каждой множество приметъ,
Какъ садъ, цвѣтя,—какъ иней, тая,
Любовь цвѣтетъ, какъ тріолетъ,
Гдѣ надо,—строки повторяя.*

Юрій Олеша.

Атлантида.

Когда гнететъ меня тяжелая обида,
И въ душу волнами ночные хлынуть сны,
Изъ блѣдной глуби водъ всплываетъ Атлантида, –
Блаженная страна предмирной тишины.

Къ звѣздамъ прозрачныя подъемля тихо башни,
Она скользитъ въ ночи, пока далекъ разсвѣтъ,
И, – призракъ дивныхъ дней, въ предвѣчности угасшихъ, –
Въ хрустальныхъ улицахъ клубится блѣдный свѣтъ.

И сонною тропой сойдя въ тотъ городъ странный,
Какія легкія мгновенья узнаю,
Когда нездѣшній лучъ, зеленый и туманный,
Какъ тучу дымную, пронижетъ скорбь мою.

Но звѣздные часы въ глухую бездну кануть, –
Отрада недолга въ странѣ полочныхъ водъ, –
И вотъ она дрожитъ, струится и цвѣтетъ
И блѣднымъ городомъ плыветъ по океану.

Семень Кесельманъ.

Художественная жизнь Одессы.

Въ связи съ общимъ развитіемъ самодѣятельности и инициативы въ Одессѣ, съ удовольствіемъ констатируемъ интересъ, который проявляетъ Одесса въ последнее время къ живописи и въ особенности къ живописи декоративной.

Будущій театральный сезонъ будетъ чрезвычайно обогащенъ этого рода искусствомъ. Расписываются цѣлые театры, въ которыхъ

Распись театра. Фрагментъ панно главного зала „Карнавальное шествіе“.

художники имѣютъ, наконецъ, возможность проявить свои универсальные дарованія и ту гибкость и культуру, которая свойственна современнымъ дарованіямъ. Здѣсь художники выступаютъ въ качествѣ живописцевъ, декораторовъ, мебельщиковъ, обойщиковъ и чрезвычайно радостно увидѣтъ, наконецъ театръ снизу доверху раздѣланный по одному плану.

Много новаго и оригинальнаго было уже показано въ теченіи лѣтняго сезона, напр., фрески во дворѣ дома театра „Интермедія“; типъ украшенія невиданный еще ни въ одномъ

русскомъ городѣ, не исключая Петербурга и Москвы.

Большую энергію въ области новаго и об-

Распись театра. Фрагментъ панно „Карнавальное шествіе“.

новленнаго для Одессы искусства, развиваетъ декоративное ателье „Пофъ“ художниковъ: В. Я. Предаевича, С. С. Олесевича и А. А. Фазини. Всѣ эти художники, объединенные молодостью и культурой, являютъ рѣдкое въ наше время единеніе вкусовъ и живописныхъ задачъ, что даетъ имъ возможность создавать прекрасные ансамбли, при чемъ каждый изъ нихъ сохраняетъ отличную отъ другого художественную индивидуальность.

Сейчасъ въ мастерской „Пофъ“ идетъ роспись театра шутокъ-кабара „Ко всѣмъ чертямъ“, въ которомъ художниками исполняется рѣшительно все, начиная отъ колоссальныхъ панно, плафоновъ и кончая драпировками и абажурами для электрическихъ лампъ.

М. Г.

I. На скаль.

Мою любовь къ тебѣ самъ Богъ благословиль,
Вечерній, теплый бризъ лѣниво рябь катиль,
На темномъ берегу горѣль огонь веселый,
Какъ путеводный знакъ, замѣтный далеко,
И падающихъ звѣздъ свѣтящіяся пчелы.

II. Августъ.

На лоткахъ золотистыя груши
Наливаются сокомъ въ тѣни,
Все яснѣе, все тише и суше,
Все полнѣе прозрачные дни.

Слаще лепетъ желтѣющихъ листьевъ,
И у свѣтлой, любимой моей,
Паутинки волосъ золотистѣй,
И глаза – все темнѣй, все нѣжнѣй...

III. Безсонница.

Томится ночь предчувствіемъ грозы,
И тучи жгутъ со всѣхъ сторонъ зарницы.
Довольно-бы всего одной слезы,
Чтобъ напоить изсохшія рѣсницы.

Но воздухъ сухъ. Подушка горяча.
Подъ стукъ часовъ томится кровь тобою,
И томень жаръ раскрытаго плеча
Подъ воспаленною щекою.

IV. Ночь увяданья.

Ночь увяданья, ночь сомнѣнья
Была темна и глубока.
Отъ листьевъ тонко пахло тлѣньемъ,
И мокрой тиной – отъ песка.
Но, вѣя съ темныхъ побережій
Осеннимъ запахомъ земли,
Бѣжалъ по звѣздамъ вѣтеръ свѣжій
И звѣзды рдѣли и цвѣли.

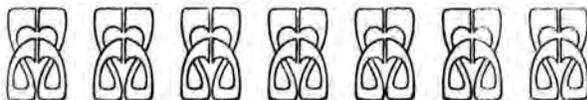
Валентинъ Катаевъ.

На улицахъ Одессы.

Зарисовки съ натуры для „Огоньковъ“ худ. Скиф.

Очередь за хлѣбомъ.

Н а ш и п и с а т е л и н а о т д ы х ъ .

Спец. снимки фотог. „Огоньковъ“.

А. Кипень.

Сем. Юшкевичъ и Х. Блякъ.

А. М. Федоровъ.

Академикъ Д. Н. Овсенико-Кузиковский.

М. Бузинъ.

Одесса въ данное время стала изъ-столь, куда съезжаются на отдыхъ наши любимые популярныя писатели. За 16-й станціей, у монастыря, на дачѣ живетъ цѣлая литературная колонія. Здѣсь и краса и гордость современной литературы: академ. Иванъ Бузинъ, и авторъ назуемаго „Бирючаго острова“ Ал. Кипень, и акад. Д. Н. Овсенико-Кузиковский, и популярный А. М. Федоровъ; здѣсь же и начинающая молодая писательница Л. Знойко.

Вѣсть на одной фотографіи сына талантливый С. Юшкевичъ и выдающийся еврейскій поэтъ Х. Блякъ.

Л. Знойко.

Старый домъ.

Ты помнишь надъ окномъ овальный щитъ герба..
Тетеревиный клювъ былъ остро загнуть книзу,
На лентѣ каменной истертая рѣзьба
Мѣшала прочитатъ кичливый текстъ девиза?
Ты помнишь за окномъ, въ растрепанномъ саду
Деревя четкія изъ темно-сѣрой ваты
Смотрѣвшаго на насъ изъ клѣтки какаду
И поцѣлуевъ вкусъ, слегка солоноватый.
Въ углу акваріумъ, въ которомъ ты отмыль
Слѣды отъ губъ моихъ, обведенные кровью,
И цѣловаль опять, и, кажется, остриль
Надъ нашей странной геральдической любовью.
Смотрѣли снизу изъ-за толстаго стекла
На насъ испуганныя маленькія рыбки,
И тѣнь какая-то на жизнь мою легла
Отъ странныхъ глазъ твоихъ и отъ твоей улыбки.

Зинаида Шишова.

Въ Петроградѣ.

Дамы высшаго общества, заняты уборной казармъ красногвардейцевъ.

Четки.

Изъ цикла «Паутина».

Тринадцать четокъ на серебрянную нитку
Я нанизаль, взойдя на пламенный алтарь,
Я прикоснулся къ ядовитому напитку
И ядъ любви проникъ въ молитвенный янтарь.
Я заковаль свой четкій стихъ въ стальные ритмы,
Я строфы въ звучные аккорды претвориль,
Измыслиль звонкія, волнующія риѣмы
И ядъ молитвенной любви въ нихъ перелиль.
Она пришла ко мнѣ, любовь моя, нагая.
Пришла съ задумчиво-сіяющимъ вѣнцомъ
И осѣнила мою душу, восторгая
Глазами кроткими и матовымъ лицомъ.
Я нитку четокъ, освященную любовью
И окропленную росой тихихъ слезъ
Съ благоговѣйною молитвой голубою
Тебѣ, родная и любимая, принесъ.
Мои напѣвные стихи, четьи-минеи
Тебѣ читать я буду въ сумеркахъ густыхъ,
Заворожить и приколдуетъ, пламенѣя
Тебя ко мнѣ любовью выкованный стихъ.
Я утоплю тебя истомой страстной лѣни,
Навѣю сладостный, дурманящій покой
И обниму твои дрожащія колѣни
И буду гладить ихъ дрожащею рукой.

.....

Я покорю тебя душой своею гибкой,
Я возведу тебя на пламенный алтарь
И ты возьмешь мою серебрянную нитку
И поцѣлуешь мой молитвенный янтарь.

Георгій Долиновъ.

Усталость.

П. Краснову.

Я усталъ, ничего не дѣлая,
 Отупѣлъ, непрерывно думая.
 Оттого и гляжу угрюмо я
 И душа, какъ страница бѣлая.
 Растерялъ я слова красивыя,
 Бьются мысли мои въ истерикѣ...
 Можетъ быть, мнѣ нужна Боливія?
 Можетъ счастье мое въ Америкѣ?
 Или въ знойныхъ пескахъ,
 подъ пальмою,
 Вновь верну я мечты узорныя
 И сумѣю унять печаль мою,
 Распустившую крылья черныя...
 Я теперь въ своей скучной спаленкѣ
 Жизнь аскета веду угрюмую,
 Поглощенный упорной думою:
 Почему я не умеръ – маленькимъ?..

Н. Топузъ.

Въ порту.

Хорошъ воскресный день въ порту, весной.
 Возня лебедокъ не терзаетъ слуха,
 На тепломъ камнѣ грѣется, какъ муха,
 Рабочій, оглушенный тишиной.

Я радуюсь тому, что я одна,
Что я не влюблена и не любима,
Что не боюсь я солнцемъ быть палима
И стать смуглѣй кофейнаго зерна;

Что я могу присѣсть легко на тюкъ;
Вдыхать неувимый запахъ чая,
Ни на одинъ вопросъ не отвѣчая,
Ничьихъ не пожимая нѣжно рукъ,

Что передъ сномъ смогу я тихо пѣть,
Потомъ сомкну, какъ дѣвственница, вѣжды,
И поутру нехитрыя одежды
Никто не помѣшаетъ мнѣ надѣть.

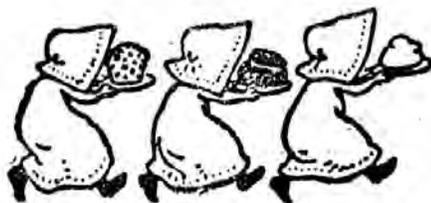
Вѣра Инберъ.

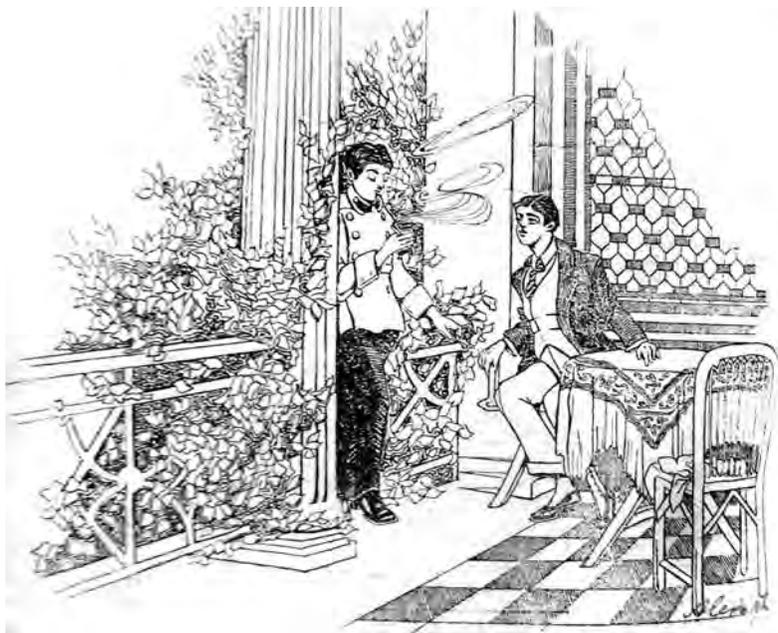
* * *

*Я каждый мигъ и каждый шорохъ
Благословляю и люблю...
Тону въ твоихъ вечернихъ взорахъ,
Испепеляю жизнь свою...*

*Горю, сжигаю безъ остатка
Души лазоревую нить...
О, какъ неповторимо сладко
Любить всегда и всѣхъ любить!*

Бор. Бобовичъ.

Въ сумерки.

Я люблю въ мягкихъ сумеркахъ съ синими ризами
Слушать тихую музыку... нѣжный рояль...
Чью-то скрипку съ руладами матово сизыми...
Подъ сурдинку... ноктюрнъ... менуэтъ... пастораль...

Я люблю въ моей комнатѣ съ красной лампадкою
Распахнуть настежь окна душистой весной
И сидѣть въ мягкихъ креслахъ съ раскрытой тетрадкою
И чертить чей-то профиль, любимый, родной...

Кто-то нѣжный и близкій играетъ за окнами,
Я вплетаю въ мелодіи нѣжность свою,

И мнѣ чудится: звуки, какъ-будто воллокнами
Оплетають дрожащее слово: люблю.

.....

.....

Убаюканы сумерки матовой скрипкою,
А въ тетрадкѣ развернутой нѣтъ ничего...
Только профиль задумчивый съ грустной улыбкою.
Я кого-то люблю... но не знаю кого...

Георгій Долиновъ.

Послѣднія вѣнскія моды.

* * *

Когда вечерній чай съ вареньемъ въ теплыхъ булкахъ
И крѣпокъ и душисть – мнѣ любо вспоминать,
Какъ было хорошо въ приморскихъ переулкахъ
Въ оранжевой листьѣ шелковицу искать...
О, дѣтство давнее! О, краденя дыни
И капитанъ Майнъ-Ридъ, въ тѣ дни наивныхъ вѣрѣ, –
Когда на берегу, бродя по красной глинтѣ,
Я, замирая, ждалъ разбойничьихъ галерѣ...
И такъ прошли года, овѣянные пылью
Да запахомъ садовъ, легки, какъ дальній звонъ,
Чтобы всплывать во снѣ неуловимой былью,
Изъ розовой страны, гдѣ яркій сбился сонъ...

Юрій Олеша.

Христофоръ Колумбъ. (Отрывокъ).

Надоѣли тяжелыя книги, –
Выйти къ морю, слѣдить корабли,
Какъ слѣдятъ уходящія миги –
Каравеллы французской земли
И Фламандіи грузные бриги.
И въ порту, разглядѣвши впервые
Три высокихъ и легкихъ судна
Для веселаго сердца святя
На бортахъ прочитатъ имена:
«Nina», «Pinta» и «Santa-Maria».
Гдѣ восходитъ холодная Веста,
И сіяетъ изогнутый молъ, –
У воды, на канатѣ, усѣсться,
Разглядѣвъ адмиральскій камзолъ
Под широкимъ плащемъ генуэзца.

Увидать, какъ по сходимъ проходить,
Наклоняясь немного къ водѣ,
Какъ рукой желтоватой проводить
По пушистой своей бородѣ,
Заостренной по англійской модѣ...

Зинаида Шишова.

Покаяніе.

Господь, прости, что искушаю
Тебя въ земномъ моемъ бреду,
И, вольный, счастья избѣгаю,
И одиноко счастья жду.

Прости, Господь, мои моленья
И - на горахъ! о волѣ сны,
И жажду пылкаго цвѣтенья
Среди взволнованной весны!

Господь, я знаю, Ты желаннымъ
Меня сіянемъ окропилъ
И ко вратамъ обѣтованнымъ
Мой свѣтлый путь благословилъ.

Прости-жь и то, что въ часъ блаженный
Я стягъ мой мимо пронесу
И разроняю дерзновенно
Твою священную росу:

Затѣмъ, Господь, что лишь намеки,
И ожиданія, и сны
И путь безмѣрный и далекій
Душѣ тревожной суждены.

Александръ Бискъ.

Двѣ розы.

Мнѣ жаль тебя, невянущій цвѣтокъ,
Что ты расцвѣлъ на проволочной вѣткѣ.
Душистый вѣнчикъ медленно поблекъ
Въ холодной вазѣ у твоей сосѣдки.

Но, отцвѣтая, помнила она
Ту блѣдную зарю, когда неслышно
Серебрянной росой окроплена
Она впервые распустилась пышно.

И помнила, роняя лепестки,
Немногихъ дней любовную усладу,
По вечерамъ усталую прохладу,
Часы покоя, нѣги и тоски.

А ты цвѣтешь въ углу, не отцвѣтая,
И жизнь твоя – безрадостная быль.
Твоя корона, огненно-пустая,
Росы не зная, собираетъ пыль.

Веніаминъ Бабаджанъ.

Вчера.

Вчера прибой у черныхъ скалъ дымился,
И звѣзды тлѣли въ пеплѣ облаковъ,
Я такъ давно любовью не томился,
А такъ давно во мнѣ поетъ любовь!
Звенятъ въ церквахъ. И надъ сосѣдней крышей
Заря чиста, огниста и свѣтла.
Я такъ давно колоколовъ не слышалъ,
А такъ давно поютъ колокола!

Валентинъ Катаевъ.

Зарис. съ натуры для „Огоньковъ“
худ. Алеко.

**Австрійскій сторожевой постъ на Николаевской
дорогѣ вблизи города.**

Сонетъ.

Когда холодный вѣтеръ утомится,
И въ море штиль прольется, какъ елей
На парусахъ ушедшихъ кораблей
Заря тепло и нѣжно золотится.

Любовь уйдетъ, - но въ прошломъ загорится
А прошлое чѣмъ дальше, тѣмъ милѣй,
Въ безплотныхъ снахъ, въ истокахъ давнихъ дней
Оно свѣтло и долго отразится.

Блаженны тѣ, кто видитъ эти сны,
Чьи дни текутъ, легко отражены,
Въ ихъ глубинѣ холодной и бездонной!

Лучи скользятъ по ласковомъ стеклѣ.
Но сладости любви неутоленной
Мнѣ не дано постигнуть на землѣ.

Валентинъ Катаевъ.

Зарис. съ натуры для „Огоньковъ“ худ. Скива.

Блюстители порядка.

* * *

Я сладко изнемогъ отъ тишины и сновъ,
Отъ скуки медленной и пѣсенъ неумѣлыхъ.
Мнѣ любы пѣтухи на полотенцахъ бѣлыхъ
И копотъ древняя суровыхъ образовъ.
Подъ жаркій шорохъ мухъ проходитъ день за днемъ,
Благочестивѣйшимъ исполненный смиреньемъ,
Бормочетъ перепелъ подъ низкимъ потолкомъ,
Да пахнетъ въ праздники малиновымъ вареньемъ.
А по почамъ томить гусиный нѣжный пухъ,
Лампада душная мучительно мигаетъ,
И шею вытянувъ протяжно запѣваетъ
На полотенцѣ вышитый пѣтухъ.
Такъ мнѣ о Господи, тут скромный далъ пріютъ,
Подъ кровомъ благостнымъ, незнающимъ волненья.
Гдѣ дни тяжелые, какъ съ ложечки варенье
Густыми каплями текутъ, текутъ, текутъ.

Э. Багрицкій.

